

Изменение отношения к проявлениям православной религиозности на Северо-Западе России в первые два десятилетия после 1917 г.

Буданова А. В.

В статье анализируются изменения социальной нормативности на уровне бытовых практик в первые два десятилетия после 1917 г. На примерах повседневной жизни Петрограда (Ленинграда), Новгорода, Череповца и относящимся к ним административно-территориальным единицам исследована постепенная эволюция восприятия обществом различных проявлений православной религиозности. Были рассмотрены сферы гражданской жизни, радикальная трансформация которых являлась знаковой для общества: календарь официальных праздничных дней, ведение и сопровождение актов гражданского состояния, организация пространства и проведения досуга, школьное образование. Уделено внимание различиям между городом и деревней в том, как проходили эти процессы. Впервые в качестве источника, иллюстрирующего изменения на уровне повседневной жизни, использован комплекс материалов череповецкой газеты "Коммунист".

Советская политика секуляризации ставила одной из своих целей внедрение тотального материалистического мировоззрения в сознание граждан и переориентацию жизненного уклада в соответствии с ним. Это обусловило ее антирелигиозную направленность, которая на протяжении рассматриваемого периода имела неодинаковую интенсивность, что отразилось и на динамике социальных трансформаций. В результате исследования показано как за два десятилетия после 1917 г. произошла практически полная инверсия — от восприятия православного уклада жизни в качестве допустимой нормы до трактовки его как полностью неприемлемого для советского гражданина.

Ключевые слова: История России (СССР) в XX в., история Русской Православной Церкви, антирелигиозная пропаганда, советская повседневность, Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, политика секуляризации, советская обрядность, Северо-Запад России.

Отношения и деятельность: не оказывают влияния на представленный материал.

Буданова Александра Валерьевна — соискатель Института российской истории Российской академии наук, Москва, Россия; специалист учебно-методической работе, Свято-Филаретовский институт, Москва, Россия. ORCID: 0009-0001-2768-3900.

Сфера научных интересов: история России, история Русской Православной Церкви XX в.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author):

s.budanova70@gmail.com

Рукопись получена 24.08.2025

Рецензия получена 09.10.2025

Принята к публикации 05.11.2025

Для цитирования: Буданова А. В. Изменение отношения к проявлениям православной религиозности на Северо-Западе России в первые два десятилетия после 1917 г. *Российский журнал истории Церкви*. 2025;6(4):29-52. doi:10.15829/2686-973X-2025-218. EDN: AHVRZL

Changing attitudes toward manifestations of Orthodox religiosity in Northwest Russia in the first two decades after 1917

Alexandra V. Budanova

The article analyzes changes in social normativity at the level of everyday practices in the first two decades after 1917. Using examples of everyday life in Petrograd (Leningrad), Novgorod, Cherepovets and related administrative-territorial units, the gradual evolution of society's perception of various manifestations of Orthodox religiosity is studied.

The areas of civil life whose radical transformation was significant for society were examined: the calendar of official holidays, the conduct and support of civil status acts, the organization of space and leisure activities, and school education. Attention is paid to the differences between the city and the countryside in how these processes unfolded. For the first time, a collection of materials from the Cherepovets newspaper "Kommunist" is used as a source illustrating the changes at the level of everyday life.

The Soviet policy of secularization set one of its goals as the introduction of a total materialistic worldview into the consciousness of citizens and the reorientation of their way of life in accordance with it. This determined its anti-religious orientation, which throughout the period under review had varying intensity, which was reflected in the dynamics of the social transformations. The study shows how, in the two decades following 1917, a nearly complete inversion occurred — from the perception of the Orthodox way of life as an acceptable norm to its interpretation as completely unacceptable for Soviet citizens.

Keywords: History of Russia (USSR) in the 20th century, history of the Russian Orthodox Church, anti-religious propaganda, Soviet everyday life, Decree on the separation of church from state and school from church, secularization policy, Soviet rituals, North-West of the Russia.

Relationships and Activities: none.

Alexandra V. Budanova — candidate of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; specialist in educational and methodological work at St. Philaret's Institute, Moscow, Russia. ORCID: 0009-0001-2768-3900.

Research interests: History of Russia, History of the Russian Orthodox Church.

Corresponding author: s.budanova70@gmail.com

Received: 24.08.2025

Revision Received: 09.10.2025

Accepted: 05.11.2025

For citation: Alexandra V. Budanova. Changing attitudes toward manifestations of Orthodox religiosity in Northwest Russia in the first two decades after 1917. *Russian Journal of Church History*. 2025;6(4):29-52. doi:10.15829/2686-973X-2025-218. EDN: AHVRZL

Адреса организаций авторов: Институт российской истории Российской академии наук, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия; Свято-Филаретовский институт, Токмаков переулок, д. 11, Москва, 105066, Россия.

Addresses of the authors' institutions: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russia; St. Philaret's Institute, Tokmakov lane, 11, Moscow, 105066, Russia.

Введение

Ускорение процессов секуляризации, как утраты религией своей социальной значимости¹, начавшееся в Европе со времен Великой французской революции и продолжавшееся весь XIX в., в России носило скачкообразный характер. Радикальный характер это приняло практически сразу после установления советской власти. Изменения в законодательстве произошли с принятием 23.01.1918 "Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви". Несколько его положений: лишение церкви прав юридического лица, полное прекращение государственного финансирования всех без исключения церковных организаций и их служителей, были беспрецедентными в европейской законодательной практике. Даже самый прогрессивный из аналогичных законов — французский² предусматривал передачу имущества в ведение различных религиозных объединений на правах собственности, которой они могли распоряжаться на оговоренных в законе условиях, сохраняя при этом права их юридического лица. Расходы, предназначенные для обеспечения свободного отправления культа в армии, государственных образовательных учреждениях, в приютах и тюрьмах, в соответствии с ним могли по-прежнему обеспечиваться за счет бюджетных средств. Предусмотрены были также пожизненные пенсии для священнослужителей, прослуживших не менее 30 лет и 4-летние пособия для всех остальных служителей культа, находившихся на момент опубликования закона на финансировании государства³. В дальнейшем, при оформлении модели советской секуляризации, подчеркивалось её отличие от европейских и американских аналогов наличием атеизации⁴. В соответствии с определением одного из её авторов Р. А. Лопаткина, секуляризация — это "процесс высвобождения из-под влияния религии всех сторон и уровней жизнедеятельности общества и личности и утверждения в общественном и индивидуальном сознании материалистического мировоззрения и основанных на нём систем норм и ценностей как необходимого условия функционирования и прогрессивного развития общества и личности"⁵. Предполагалось, что полноценная секуляризация должна сочетать упадок религии с усвоением людьми принципов научного атеизма⁶.

Реализация советской политики секуляризации сопровождалась также общественными инициативами, исходившими от партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Н. Б. Лебина в монографии "Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к боль-

¹ Узланер, Д. А. (2010). Советская модель секуляризации. *Социологические исследования*, (6), 62.

² Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l'Etat. (1905). *Journal Officiel De La République Française*. (11 Décembre), 7205-7209.

³ Там же, 7208.

⁴ Узланер, Д. А. (2010), 64.

⁵ Лопаткин, Р. А. (1970). Процесс секуляризации в условиях социализма и его социологическое исследование. *К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества)*. М., 19.

⁶ Лебедев, А. А. (1970). Секуляризация населения социалистического города. *К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества)*. М., 134.

шому стилю" в главе "Секуляризация бытовых норм"⁷ приводит результаты исследования, которые демонстрируют последовательность проводимой политики секуляризации в изменении отношения к православной религиозности на уровне повседневных практик. Каким образом проходил этот процесс можно проследить, рассмотрев этот вопрос с точки зрения основных параметров, характеризующих жизненный уклад: способов сопровождения так называемых состояний перехода — рождение, брак, смерть; распределения в государственном производственном календаре праздничных дней и их смыслового содержания; организации публичного и приватного пространства, в том числе способов проведения досуга; влияния школьного образования на воспитание детей. При этом стоит обратить внимание на различие в том, как это проходило в городе и на селе. В данном исследовании территория ограничилась несколькими городами, вошедшими после 1927 г. в Ленинградскую область: Петроград-Ленинград, Новгород, Череповец и относящимися к ним в первые два десятилетия после 1917 г. административно-территориальными единицами (губерниями, волостями, уездами, округами, районами). В исследовании предполагается рассмотреть три уровня, на которых происходили изменения, влияющие на отношение к православной религиозности: нормативно-правовая база, решения влиятельных общественных организаций (коммунистической партии, комсомола, профессиональных союзов), их реализация в трансформации повседневных практик. В соответствии с этими задачами в качестве источников использовались основные законодательные акты данного периода, относящиеся к исследуемым вопросам. Это декреты советской власти, а также документы, принятые Всероссийским Центральным исполнительным комитетом (ВЦИК), Советом народных комиссаров (СНК), наркоматами юстиции (НКЮ), внутренних дел (НКВД), просвещения (НКП); постановления и распоряжения партийных и комсомольских органов. Публикации периодической печати, позволяющие, наряду с воспоминаниями современников, показать реализацию решений государственных или общественных организаций в повседневной жизни города, села, предприятия, семьи или отдельного человека представлены череповецкими газетами "Коммунист"⁸, "Череповецкий пахарь"⁹ и "Кооперативный листок"¹⁰. В литературе комплексный анализ советской повседневности данного периода предлагается в монографии Н. Б. Лебиной¹¹. Во многом он базируется на материалах Ленинграда и Ленинградской области, включая, в том числе, Череповец. На материале новгородских архивов основана книга И. Д. Савиновой¹².

⁷ Лебина, Н. Б. (2015). *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю*. М., 170-223.

⁸ Коммунист. Ежедневная газета: орган череповецкого окружкома ВКП(б), окрисполкома и Совета профсоюзов.

⁹ Череповецкий пахарь. Еженедельная газета Череповецких Губкома РКП, Губисполкома и Губпрофсовета.

¹⁰ Кооперативный листок: еженедельное бесплатное приложение к газете "Коммунист". Череповец.

¹¹ Лебина, Н. Б. (2015). *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю*. М., 488 с.

¹² Савинова, И. Д. (1998). *Лихолетье: Новгородская епархия и советская власть 1917–1991: Историческое исследование*. Новгород, 112 с.

Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви

Одним из первых декретов советской власти стал документ, первоначально носивший название "Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах"¹³, в дальнейшем известный как "Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви"¹⁴. В нем были сведены воедино все основные направления намеченной политики секуляризации, в том числе начатые ранее. Еще во второй половине декабря 1917 г. в ведение государства перешли права на регистрацию актов гражданского состояния¹⁵, а также вопросы воспитания и образования¹⁶. Равенство всех религий перед законом и упразднение ограничений в правах по религиозному признаку было утверждено еще при Временном правительстве в марте 1917 г.¹⁷. Однако "Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви" внес ряд уточнений в ранее принятые постановления. Например, в соответствии со ст. 9 упразднилось преподавание религиозных вероучений в любых учебных заведениях, где ведется обучение общеобразовательным предметам.

Декрет не описывал четкого механизма его реализации и поэтому впоследствии был дополнен большим количеством инструкций и разъяснительных писем. Их содержание нередко касалось вопросов, не отраженных напрямую в первичном документе, а являвшихся прямым или косвенным следствием изложенного в нем. В 1923 г. был выпущен специальный сборник, составленный П. В. Гидуляновым под редакцией П. А. Красикова, он содержал постатейные разъяснения декрета в инструкциях V отдела НКЮ¹⁸. В дополненном варианте он был переиздан в 1924 г.¹⁹, а затем в 1926 г., включив законодательные акты не только РСФСР, но и вошедших в СССР союзных республик²⁰.

Н. Б. Лебина отмечает в своем исследовании, что "исполнение религиозных обрядов даже в крупных промышленных и культурных центрах в начале

¹³ Декрет СНК РСФСР "О свободе совести, церковных и религиозных обществах" (или "Об отделении церкви от государства и школы от церкви"). 20 января (2 февраля) 1918 г. (2017). *Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов* (2017). М., 484-486.

¹⁴ Кириченко, М. Г. (1987). К истории Ленинского декрета. *Наука и религия*, (4), 2. В статье подробно рассматривается история трансформации первоначального названия декрета к его окончательной версии.

¹⁵ Декрет ВЦИК и СНК "О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния". 18 декабря 1917 г. *Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г.* (1957). М., 247-249.

¹⁶ Постановление Комиссариата по народному просвещению. О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению. 11 декабря 1917 года. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг.* (1942). М., 129.

¹⁷ Постановление Временного правительства "Об отмене вероисповедных и национальных ограничений". 20 марта 1917 г. *Конфессиональная политика Временного правительства России* (2017). М., 60-72.

¹⁸ Гидулянов, П. В. (1923). *Церковь и государство по Законодательству РСФСР: Сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ*. Красиков П. А. (ред.), М., 100 с.

¹⁹ Гидулянов, П. В. (1924). *Отделение церкви от государства: полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮ*. Красиков П. А. (ред.), М., 404 с.

²⁰ Гидулянов, П. В. (1926). *Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Туркм.*, М., 712 с.

XX в. являлось нормой повседневной жизни"²¹. Праздничные богослужения, сопровождавшиеся колокольным звоном; крестные ходы, молебны перед какими-либо событиями или по их окончании — всё это было неотъемлемой частью жизни города и деревни. Наречение имени, регистрация брака, похороны — все это совершалось в церковной ограде. Любая программа начального образования включала изучение Закона Божия. Иконы или скульптуры религиозного содержания были практически в каждом доме или общественном помещении. Накануне революции даже в крупных городах 100% семей рабочих крестило свое потомство в церкви²². Не изменилось это и сразу после принятия самого декрета и начала мероприятий по его реализации, а заняло достаточно продолжительное время.

Календарь праздничных дней

Набор праздников всегда являлся системой, способствовавшей максимальной актуализации базовых ценностей и идеалов общества. На 25.10.1917 праздничный календарь основывался на законе 1887 г.²³ с незначительными изменениями, внесенными в 1905 г. Из 45 праздничных дней 34 были православными праздниками²⁴. Остальные, кроме Нового года, были связаны с царской семьей и при Временном правительстве были отменены. Получалось, что весомое значение религиозных праздников в общественном, а тем более приватном пространстве, затрудняло проведение советской политики секуляризации. Работа по преодолению этого препятствия велась в нескольких направлениях. Происходило постепенное удаление православных праздников списка государственных выходных дней; перенос акцента на новые революционные праздники с приданием им наивысшего статуса; дискредитация Пасхи и Рождества с помощью внедрения их антирелигиозных аналогов; стимулирование коллективных отказов от празднования как общецерковных, так и местных православных праздников; поощрение недовольства сохранением этих христианских традиций в приватном пространстве.

Уже 29.10.1917 декрет "О восьмичасовом рабочем дне"²⁵ из 22-х официальных праздников оставил 15²⁶ православных, включая всегда вос-

²¹ Лебина, Н. Б. (2015), 170.

²² Кабо, Е. О. (1928). *Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта*. Т. 1. М., 200.

²³ О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской и горной промышленности: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 02.06.1897. *Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. 17* (1900). Государственная типография, СПб., 355.

²⁴ Все 12 двенадцатых праздников, Пасха и 7 дней Светлой седмицы, пятница и суббота Сырной седмицы, пятница и суббота Страстной седмицы, 2 дня памяти свт. Николая, День Св. Духа, свт. апп. Петра и Павла, День св. бл. кн. Александра Невского, День св. ап. и Евангелиста Иоанна Богослова, Покров, Казанской иконы Божией Матери, Рождество Христово — 3 дня. Там же.

²⁵ Декрет Совета Народных Комиссаров. О восьмичасовом рабочем дне. Петроград, 29 октября 1917 года. *Собрание узаконений...* (1942), 11.

²⁶ 6 Января (Богоявление), 25 марта (Благовещение), 15 Августа (Успение), 14 Сентября (Крестовоздвижение), 25-26 декабря (Рождество Христово и день, следующий за ним), пятница и суббота Страстной недели, понедельник и вторник Пасхальной недели, день Вознесения Господня и второй день праздника Сошествия Св. Духа (понедельник после Троицы). *Собрание узаконений...* (1942), 11.

кресные Пасху, Троицу и Вход Господень в Иерусалим. Кроме этого, "по желанию большинства рабочих"²⁷, можно было заменить 6 православных праздников другими выходными днями. С 5.12.1918 предприятиям было разрешено принимать решения по установлению нерабочих дней самостоятельно, согласовывая их с профсоюзами и Народным комиссариатом труда (НКТ)²⁸. Устанавливался перечень дней с прямым запретом на проведение работ, в который были включены только новые революционные праздники. Вводилась также неоплачиваемая категория "особых дней отдыха", максимум 10, которые могли основываться на местных традициях²⁹. С 30.07.1923 все праздники должны были отмечаться только по новому стилю³⁰, что автоматически исключало из выходных дней целый ряд православных праздников для всех неперешедших в обновленчество³¹. Это затронуло не только непереходящие праздники, которые отмечались в будни, но и дни, связанные с Пасхой и Троицей. Так, для 1924 г. днями Пасхи устанавливались 27.04–28.04, что соответствовало новому стилю, а также даты привязанных к ним Вознесения (5.06) и Троицы (15.06–16.06)³². 30.07.1928 г. количество "особых дней" было снижено до 6³³. С переходом на непрерывную рабочую неделю осенью 1929 г., предполагавшую 5 дней рабочих, 6-й — выходной, автоматически были упразднены праздничные дни, попадавшие на воскресенье³⁴. Характерное высказывание приводит Н. Б. Лебина: "...свободного времени нет, праздника тоже нет, все время провожу дома. Церковь не посещаю, не имею времени..."³⁵.

Масштабные празднования годовщин Октября и 1 мая были призваны стать более значимыми для горожан и жителей села, чем Рождество Христово и Пасха. Однако еще в 1921 г. при совпадении дня Пасхи и 1 мая многие жители Петрограда предпочли большевистской демонстра-

²⁷ Могли быть заменены 6 Января (Богоявление), 15 Августа (Успение), 14 Сентября (Крестовоздвижение), 26 Декабря (следующий день после Рождества Христова), суббота Страстной недели и понедельник Пасхальной недели. Декрет СНК РСФСР от 29.10.1917 "О восьмичасовом рабочем дне". Ст. 9 Прим. 2. Там же.

²⁸ Правила о еженедельном отдыхе и праздничных днях. *Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. Вып. 2 (25 октября 1918 г. — 15 марта 1919 г.)* (1920). М., 395.

²⁹ *Сборник декретов...* (1920), 345.

³⁰ Декрет ВЦИК "О днях отдыха по новому стилю". 30 июля 1923 г. *Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 2: Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений* (2017). М., 53.

³¹ Обновленческая церковь отмечала все праздники по официальному календарю советского государства. В то же время те, кто остался верными свт. патриарху Тихону на новый календарь принципиально не переходили.

³² Циркуляр Народного комиссариата труда № 591 от 3.12.1923 г. "Об особых днях отдыха". Гидулянов, П. В. (1926), 60.

³³ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.07.1928 "Об изменении статей 111 и 112 Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.". *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1928 г. № 57-114. Отдел первый* (б.г.). М., 1309.

³⁴ Постановление Совета Народных Комиссаров. О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю. 24 сентября 1929 г. *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 40-76. Отдел первый* (б.г.). М., 1231-1234.

³⁵ Лебина, Н. Б. (2015), 221.

ции участие в крестном ходе из Александро-Невской лавры³⁶. С внедрения антирелигиозных вариантов Рождества и Пасхи по инициативе комсомола — так называемых "комсомольского рождества" и "комсомольской пасхи", сопровождавшихся шумными антихристианскими шествиями, в 1922 г. началась кампания по дискредитации православных праздников³⁷. Однако уже в феврале 1923 г. партийными органами было решено рекомендовать воздерживаться от прямых нападок³⁸ и сосредоточиться на проведении в клубах различных лекций и вечеров. Подобная инструкция была дана и в Новгородской губернии местному отделению РКСМ³⁹. При этом выяснилось, что молодежь выступает за зрелищные карнавалы шествия. Видимо опасаясь радикальных действий, было настойчиво рекомендовано к участию в подобных мероприятиях привлекать, кроме членов РКСМ, всех членов партии⁴⁰.

Череповецкая газета "Коммунист" уделяла большое внимание освещению празднования "комсомольской пасхи"⁴¹ и "комсомольского рождества"⁴² на местах. В 1924–1925 гг. в месяцы, близкие к праздникам, антирелигиозные материалы или репортажи о проведении подобных событий публиковались практически ежедневно. При этом отмечалось, что в деревне по сравнению с городом это встречает большее сопротивление. Был опубликован список антипасхальной литературы. В него входили "книги наиболее простые" — в основном советские брошюры, а также "книги средней трудности", где присутствовали и произведения западноевропейских авторов⁴³. При этом традиционное празднование Рождества и Пасхи было вполне допустимо до 1929 г. даже на официальном уровне, что приводило к низкой эффективности подобных кампаний даже в крупных городах.

Появлялись партийные инициативы по замене православных праздников на новые. Например, летом 1924 г. Ленинградский губком ВКП(б) предложил начать "постепенное превращение старой Троицы в новый

³⁶ Лосский, Б. Н. (1993). Наша семья в пору лихолетья. *Минувшее: Исторический альманах*, Т. 12, М.: СПб., 91.

³⁷ Лебина, Н. Б. (2015), 208.

³⁸ "нарочито грубые методы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а на оборот, затрудняют освобождение масс от религиозных предрассудков". См. Постановление XII съезд РКП(б), "О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды". XII съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 г. Резолюция "О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды". 25 апреля 1923 г. *Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы* 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. (2017). Кн. 1: Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды. М., 174.

³⁹ Савинова, И. Д. (1998), 26.

⁴⁰ Савинова, И. Д. (1998), 26.

⁴¹ Заметки публиковались в номерах газеты "Коммунист": в 1924 г. 69 (25.03), 83 (10.04), 91 (19.04), 93 (21.04), 94 (23.04), 95 (24.04), 97 (26.04), 98 (30.04), 100 (5.05), 101 (6.05), 104 (9.05) и даже последствия в № 1481 (2.07). в 1925 г. — №№ 83 (11.04), 87 (16.04), 91 (23.04), 94 (26.04), 98 (30.04).

⁴² Газета "Коммунист" в 1925 г. номера: 2 (3.01), 4 (5.01), 9 (11.01), 10 (12.01), и т.д. — антирелигиозные материалы публиковались практически в каждом номере.

⁴³ *Коммунист* (1924), (83), 3.

праздник "окончания весеннего сева"⁴⁴. В 1925 г. Череповецкая газета "Коммунист" предлагала установить вместо Масленицы — день помощи бедняку⁴⁵, а вместо Покрова — День Пахаря⁴⁶.

Кроме этого, проводилось публичное поощрение как прямой отмены общецерковных и местных православных праздников, так и перенос выходных дней, положенных для них, на другое время. Заметки о подобных местных инициативах регулярно появлялись в газете "Коммунист" в 1924—1925 гг.⁴⁷. Например, сельский сход деревни Пасточ постановил не праздновать Сретение и "Тихонов день"⁴⁸; мужики деревень Подсобное и Марковье решили не отмечать Модестов день⁴⁹, а в с. Чирцы — навсегда отказаться от престольного праздника "Аннушки"⁵⁰. Выйти в праздник Благовещения на работу как в обычный день постановили рабочие Андогской фабрики⁵¹, а милиционеры-курсанты Губрезерва решили день Пасхи как день отдыха использовать для проведения строевых занятий⁵².

Близость официальных пасхальных выходных 1924 г. (27.04—28.04) к празднику 1 мая спровоцировала массовый перенос выходных дней. Так, в Череповецкой губернии профсоюзы приняли решение заменить дни отдыха с пасхальной недели на первые дни после майского праздника⁵³. Кроме этого, был целый ряд отдельных инициатив. Например, рабочие фабрики "Диктатура пролетариата" единогласно решили "заменить религиозный праздник Пасхи своим, трудовым четырехдневным праздником 1 мая". На Шекснастрое рабочие и служащие постановили субботу и понедельник пасхальной недели работать, а майские праздники взамен этого увеличить на два дня⁵⁴.

Новый виток маркирования проявлений религиозности как чуждых социальным нормам советского гражданина, начался в 1929 г. после письма ЦК ВКП(б) "О мерах по усилению антирелигиозной работы"⁵⁵. Летом была развернута кампания по отмене в качестве выходного праздника Преображения, который во многих местностях оставался в списке особых нерабочих дней⁵⁶. Начались гонения не только на празднование Рождества, но и на имеющий с ним общий атрибут — елку — праздник Нового года. Н. Б. Лебина приводит воспоминания Э. Г. Герштейн о том, как работники ЦК профсоюза работников просвещения предложили "под

⁴⁴ Лебина, Н. Б. (2015), 218.

⁴⁵ *Коммунист* (1925), (45), 3.

⁴⁶ *Коммунист* (1925), (232), 3.

⁴⁷ См. также заметки в номерах за 1924 г. — 153, 160, 280 и др.; за 1925 г. — 8, 25, 171, 181 и др.

⁴⁸ *Коммунист* (1924), 3, 3.

⁴⁹ *Коммунист* (1924), 4, 3.

⁵⁰ Долой "Аннушек". (1924). *Коммунист*, (9), 2.

⁵¹ *Коммунист* (1924), (69), 3.

⁵² *Коммунист* (1925), (95), 3.

⁵³ *Коммунист* (1924), (94), 3.

⁵⁴ *Коммунист* (1925), (95), 3.

⁵⁵ Письмо ЦК ВКП(б) "О мерах по усилению антирелигиозной работы" от 24 января 1929 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 9-11.

⁵⁶ Лебина, Н. Б. (2015), 217.

новый год ходить по квартирам школьных учителей и проверять, нет ли у них елки"⁵⁷. Принятие Конституции 1936 г. было воспринято как послабление в этой сфере, что отчасти временно привело к меньшей осторожности в публичном исполнении религиозных обрядов в крупных городах⁵⁸. Однако ни один из православных праздников в официальный календарь больше так и не вошел. Елка в 1936 г. была реабилитирована, но стала атрибутом исключительно светского праздника Новый год без какой-либо связи с христианской традицией.

Таким образом за первые два десятилетия после 1917 г. среди государственных выходных дней не осталось ни одной даты, имеющей религиозное значение. Православные праздники постепенно перешли из общественного пространства в приватное, но и в нем их соблюдение стало вызывать порицание советского общества.

Рождение, брак, смерть — только в ЗАГС

Другими конституирующими жизнь моментами повседневного уклада были так называемые обряды перехода, связанные с рождением, браком и смертью. Все они, ещё в начале 1917 г. требовавшие исключительно церковной санкции, в соответствии с "Декретом об отделении церкви от государства" перешли в ведение различных отделов ЗАГС. На селе с 1925 г. эти функции были переданы сельским советам⁵⁹. Секуляризация бытовых норм в этой области проходила в следующих направлениях: делегитимизация церковных регистрационных записей; ужесточение требований к необходимости гражданского оформления; дискредитация православных традиций с одновременным внедрением "нового быта".

Три законодательных акта первого года советской власти⁶⁰ закрепили легитимность исключительно светского брака: "только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов"⁶¹. Подчеркивалось, что брак, совершенный по религиозным обрядам и при содействии духовных лиц, подобных обязанностей без гражданской регистрации не порождает. Исключение составляли церковные браки, заключенные до 20.12.1917⁶². В паспортах больше не позволялось делать отметки о совершении религиозных обрядов. Это означало, что запись о совершении венча-

⁵⁷ Лебина, Н. Б. (2015), 220.

⁵⁸ В соответствии с данными сводок органов НКВД, в Ленинграде в 1936–1938 гг. увеличилось количество людей, участвовавших в богослужениях в дни Пасхи, Рождества, а также Успения и Преображения. См. Лебина, Н. Б. (2015), 222.

⁵⁹ Инструкция НКВД РСФСР от 9.01.1925 № 18 О порядке регистрации актов гражданского состояния в сельсоветах. Гидулянов, П. В. (1926), 415.

⁶⁰ Декрет ВЦИК и СНК "О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния". 18 декабря 1917 г.; Декрет ВЦИК и СНК "О расторжении брака"; Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 16.09.1918 г. *Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г.* (1957). М., 237–249; *Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля — 9 ноября 1918 г.* (1964). М., 314–343.

⁶¹ Декрет ВЦИК и СНК "О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния". 18 декабря 1917 г. *Декреты Советской власти* (1957), 247.

⁶² Там же.

ния, которая ранее считалась отметкой о браке, более ставиться не могла. С января 1925 г. новорожденного под угрозой штрафа необходимо было зарегистрировать в государственных органах течение 14 дней⁶³. Только после предъявления документа о регистрации акта смерти в отделе ЗАГС или сельском совете полагалось совершать обряд отпевания в храме или на кладбище⁶⁴. Таким образом, государственные учреждения стали единственным легитимным местом регистрации рождений, браков и смертей. Однако изменения в сфере нормативных суждений на бытовом уровне происходили крайне медленно. Санкция церкви продолжала восприниматься основной, а гражданская регистрация — дополнительной. В деревне в соответствии с результатами исследования П. Г. Рогозного, гражданские отметки, особенно браков и разводов, еще долго не имели никакого значения⁶⁵.

Так же, как и с праздниками, в основном по инициативе комсомола был организован ряд кампаний по внедрению новой гражданской обрядности: гражданского наречения имени — так называемых "звездин", "октябрин" "красных крестин" вместо крещения, "комсомольских"; "красных", "пролетарских" свадеб вместо венчания, гражданских похорон вместо отпевания. Разнообразие названий говорит о том, что единых указаний по наименованию данных обрядов разработано не было и допускалось местное творчество. Участие же в традиционных церковных обрядах перехода всячески дискредитировалось. Так, в череповецкой газете "Коммунист" регулярно публиковались материалы, обличающие отсталость тех, кто продолжал сохранять приверженность даже внешним православным традициям: крестил детей, венчался, отпевал усопших⁶⁶. Кампания по внедрению новой обрядности прошла в 1922–1926 гг. Ритуальное оформление было общим: красное знамя, участие пионеров, исполнение "Интернационала", "Марсельезы" "Смело, товарищи, в ногу!" и др.; торжественные речи кого-либо из руководителей. Это должно было подчеркнуть размежевание с религиозным принципом оформления состояний перехода, поэтому часто событие дополнялось сообщениями антирелигиозного характера о новом быте. Централизованного руководства по организации подобных мероприятий не было, поэтому инициаторам приходилось разрабатывать сценарии для подобных событий на местном уровне. Исключение составляли похороны В. И. Ленина, ритуальное оформление которых, возможно, было использовано как образец, подлежащий адаптации для конкретных условий⁶⁷. В Тихвинском уезде было принято постановление "О праздниках гражданства",

⁶³ Декрет ВЦИК и СНК "О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния". 18 декабря 1917 г. *Декреты Советской власти* (1957), 247.

⁶⁴ Гибулянов, П. В. (1926), 454.

⁶⁵ Рогозный, П. Г. (2021). Гражданский брак, развод и революция: конец семейного насилия или разложение семьи? *Петербургский исторический журнал*, (3), 143. doi:10.24411/2311-603X_2021_3_132.

⁶⁶ Например, комсомольцы решили венчаться и для этого вышли из комсомола. См. Ким. (1925). Звание комсомольца променяли на религию. *Коммунист*, (276), 2; Другой пример: заметка, где комсомольцы стали восприимчивыми (крестными) у новокрещёного ребенка (1925). *Коммунист*, 181, 3; Местный поп издевается. (1925). *Коммунист*. (193), 3; Очевидец. Не к лицу. (1925). *Коммунист*, (76), 3.

⁶⁷ Табачник, К. К. (2024). Система гражданских обрядов в антирелигиозной политике советской власти 1920-х годов на Северо-Западе РСФСР. *Вестник Свято-Филаретовского института*, 16, (4), 107. doi:10.25803/26587599_2024_4_52_94.

в первом разделе которого "О красных крестинах (звездинах)" дана пошаговая инструкция осуществления данного действия. В описанном варианте присутствующие держат красные звезды, с которыми осуществляется торжественное шествие⁶⁸. В двух вариантах "октябрин", описанных в пособии М. Ф. Данилевского по организации "праздников общественного быта"⁶⁹, красные звезды отсутствуют; в одном из них предлагается накрыть новорожденного красным знаменем, а в другом фигурирует пионерский галстук. Череповецкая газета "Коммунист" в 1924–1925 гг. под рубрикой "К новому быту" регулярно публиковала заметки о прошедших "октябринах", "комсомольских свадьбах" и гражданских похоронах⁷⁰. Подобные репортажи появлялись и в газете "Череповецкий пахарь", ориентированной на сельское население⁷¹. Как и другие радикальные формы антицерковной пропаганды, эти мероприятия достаточно быстро были признаны неэффективными, особенно в сельской местности, и остались в памяти как экзотические проявления моды определенных лет. В пособии Данилевского автор прямо называет подобный опыт неудачным⁷².

Тем не менее, особенно в крупных городах постепенно происходил переход сначала к регистрации в ЗАГСе, осуществлявшейся параллельно с участием в церковной практике, а затем и к гражданской записи как единственной форме. По данным, приведенным Н. Б. Лебиной, в Череповце 1924 г. венчались уже чуть больше половины всех новобрачных; а крестилось в 1925 г. менее половины родившихся младенцев⁷³. В последующие годы данная тенденция сохранялась больше всего благодаря молодым горожанам, особенно студенческой молодежи, живущей отдельно от старшего поколения⁷⁴. Н. Б. Лебина приводит воспоминания бывшей рабфаковки Петроградского университета А. И. Ростиковой о том, что если ее подруги и соседки по обществу регистрировали брак, то делали это в районном ЗАГСе⁷⁵. К атрибуту ушедшего "старого быта" были отнесены и обручальные кольца, ношение которых к началу 1930-х гг. исчезло из практики повседневной жизни⁷⁶.

⁶⁸ О праздниках гражданства. О красных крестинах (звездинах). ЦГАИПД СПб. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 67. Л. 44-44 об.

⁶⁹ Данилевский, М. Ф. (1927). *Праздники общественного быта. Торжественное заседание, октябрины, годовщины. Организация, методика, практика*. М.; Л., 23-28.

⁷⁰ Прожектор. (1924). Красные крестины. *Коммунист*, (16), 2; С-й. (1924) Пролетарские крестины в Тихвине. *Коммунист*, (123), 4; Алексеев, А. (1925). Красные пролетарские крестины. *Коммунист*, (11), 3; Жерновков, А. (1924) Красные крестины. *Коммунист*, (186), 3; Белокосков (1924). Первые октябрины. *Коммунист*, (290), 3; Хамичев, А. (1924). Красные октябрины. (1924). *Коммунист*, (163), 3; Логинов, Ф. (1924). Красные крестины. *Коммунист*, (186), 3. Око. Красная свадьба на деревне (1924). (222), С. 3; Красная свадьба. (1925). (116), 2; Местный (1926). По-новому. *Коммунист*, (10), 2. Новый (1924). Похороны пионера. *Коммунист*, (251), 2; Строитель (1925). Последняя просьба тов. Лисицина. *Коммунист*, (263), 3; Михеев (1926). Об одном прошу — похороните без попа. *Коммунист*, (44), 3; Казус (1924). Гражданские похороны. *Коммунист*, (131), 3. и др.

⁷¹ См. номера газеты "Череповецкий Пахарь": в 1925 г. — 25, 27; в 1926 г. — 1, 17, 38.

⁷² Данилевский, М. Ф. (1927), 5.

⁷³ Лебина, Н. Б. (2015), 172, 190.

⁷⁴ Лебина, Н. Б. (2015), 186.

⁷⁵ Лебина, Н. Б. (2015), 186.

⁷⁶ Там же, 190.

Таким образом, под влиянием антирелигиозной пропаганды, в ситуации нелегитимности церковной регистрации актов гражданского состояния, произошел переход от восприятия обрядов крещения, венчания и отпевания в качестве нормативных для общества, к отношению к ним как к атрибутам "старого быта", в которых у большинства граждан не должно быть необходимости.

Удаление икон и предметов религиозного культа из общественного и частного пространства

Иконы, картины, скульптуры и другие изображения религиозного содержания на конец 1917 г. были распространенным атрибутом не только домашнего, но общественного интерьера. Политика секуляризации, проводимая большевиками, предполагала постепенную десакрализацию всего пространства, в котором проводил свое время советский человек и приобщение его к революционным символам новой власти.

В "Декрете об отделении Церкви от государства и школы от церкви" ничего не говорилось об иконах или иных религиозных изображениях, а содержался запрет на сопровождение религиозными обрядами и церемониями каких-либо публично-правовых общественных установлений. Но уже в августе 1918 г. дано было разъяснение о недопущении нахождения каких-либо религиозных изображений в государственных или иных публично-правовых общественных помещениях⁷⁷. В соответствии со ст. 124 УК РСФСР данное нарушение каралось принудительными работами на срок до трех месяцев или штрафом до 300 руб. золотом. В дальнейшем были даны разъяснения о запрете на нахождение икон в столовых, магазинах, буфетах⁷⁸ и т.д. независимо от формы собственности. Запрет касался любых помещений, где практикуется коллективный наемный труд, которые доступны "любому гражданину, не ограниченное каким-либо узким индивидуальным, частным кругом лиц"⁷⁹. В январе 1919 г. был определен порядок удаления икон из общественных мест⁸⁰, согласно которому рекомендовалось не делать из этого антирелигиозной демонстрации. Удаленные предметы культа следовало "передавать для хранения в храмах и часовнях группам верующих, заключившим соглашение с местным совдепом о пользовании тем или иным зданием, или в музеи, или хранилища Совреспублики"⁸¹. Устранение религиозных изображений, имеющих художественное или историческое значение, и назначение места их дальнейшего пребывания должно было происходить только с ведома Народного комиссариата просвещения (НКП)⁸².

Газета "Коммунист" неоднократно обращалась с призывами изъять иконы из школ, магазинов, изб-читален⁸³. Однако, даже из материалов

⁷⁷ Инструкция НКЮ РСФСР от 24.08.1918 г. ст. 29. Гидулянов, П. В. (1924), 17.

⁷⁸ Разъяснение V отдела НКЮ от 10.01.1922, № 15. Там же, 18.

⁷⁹ Разъяснение V отдела НКЮ от 12.02.1923, № 63. Там же, 19.

⁸⁰ Циркуляр НКЮ от 3.01.1919, ст. 5. Там же.

⁸¹ Циркуляр НКЮ от 3.01.1919, ст. 5. Гидулянов, П. В. (1924), 19.

⁸² Инструкция НКЮ РСФСР от 24.08.1918, ст. 30. Там же, 17.

⁸³ Коммунист (1924). (7, 54, 263); Коммунист (1925). (31, 70, 82, 118); Кооперативный листок (1925). (20).

публикаций видно, что этот процесс проходил не гладко. В заметках "Целитель" в № 31 и "Непослушный целитель" в № 70 за 1925 г. было описано, как председатель Батранского райсельсовета дал распоряжение фельдшеру Городецкому вынести из фельдшерского пункта как общественного здания иконы, "которыми заполнены все углы"⁸⁴. Это распоряжение он проигнорировал, а при повторном напоминании заявил, что делать это категорически отказывается: "Снять иконы я не могу, так как в аптеку приходят верующие"⁸⁵.

Одна из жительниц с. Санюково Череповецкой губернии сдала собственное помещение под избу-читальню. При этом она наотрез отказалась перенести находившуюся там икону в какое-либо другое место. "Ни за что, лучше и не заикайтесь. Лучше увозите свои вещи обратно, а икону снять не дам. Икона при моем отце висела и выросла я под ее надзором, эту икону трогать нельзя, она "некретимая"⁸⁶. Об инертности жителей свидетельствует и другой типичный случай, описанный в той же газете. В конторе Судостроя на пристани "Мрежа" несмотря на то, что икона была давно изъята, служащие "продолжали креститься на пустой угол"⁸⁷. Автор заметки с особым беспокойством констатировал, что "при этом молодые подражают старым"⁸⁸. В начале 1926 г. в деревне Горелый Починок Андогской волости иконы продолжали висеть в помещении, где находился красный угол, а также канцелярия сельского совета⁸⁹. Вероятно, после публикации их убрали. Постепенно иконы исчезли из всех общественных помещений.

По поводу нахождения икон в жилищах никаких распоряжений от государственной власти никогда не поступало. Однако удаление икон из интерьеров квартир служило маркированием антирелигиозного настроения жильцов. К этому неоднократно призывали партийные и комсомольские активисты на самом высоком уровне. Как отмечает Н. Б. Лебина, первым этапом стало время "ленинского призыва" в ряды РКП(б) после смерти В. И. Ленина: 1924—1925 гг. Вторым — культпоход комсомола в 1929—1930 гг. после призыва С. М. Кирова к молодежи как можно скорее распрощаться с иконами в домах, не обращая внимания на отношение к этому родителей⁹⁰. На необходимость радикальных мер и несовместимость старого и нового быта указывала заметка в газете "Коммунист" под названием "В паутине". В доме, где жена не хотела отказываться от икон, муж поставил портрет Ленина, что привело его к ощущению неловкости: "Вот сижу я и смотрю на Ленина, и обоим нам тут с ним неловко — иконы, лампадка горит, кулич на столе..." На этом основании автор статьи делает заключение: "...подобное столкновение церковного и идеологического мира подчеркивает, насколько устой-

⁸⁴ А. (1925). Целитель. *Коммунист*, (31), 3.

⁸⁵ Глобус. (1925). Непослушный целитель. *Коммунист*, (70), 3.

⁸⁶ Лебедев, М. (1925). Непокретимая. *Коммунист*, (75), 3.

⁸⁷ *Коммунист* (1925). (14), 3.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ *Коммунист* (1926). (85), 3.

⁹⁰ Лебина, Н. Б. (2015), 180–181.

чивым и опасным для новой жизни оставался старый обряд"⁹¹. Следующим этапом было начало форсированной индустриализации и коллективизации, когда для рабочих и колхозников нахождение в жилищах икон стало считаться недопустимым. Это привело к массовым изъятиям икон, которые нередко сопровождались публичными акциями, призванными подчеркнуть несовместимость икон с новым бытом.

В городах и крупных селах к концу 1930-х гг. иконы исчезли не только из общественного пространства, но и как отмечает Н. Б. Лебина, из интерьеров большинства домов и квартир⁹².

Новая организация публичного пространства и досуга

В Российской империи организация публичного пространства была тесно связана с православием. Названия храмов и соборов носили многие, в том числе, центральные городские улицы⁹³, которые к ним и вели. В церкви верующие проводили немалую часть свободного от работы времени, т.е. досуга. Молебны, крестные ходы являлись неотъемлемой частью жизни любого города и села. На рубеже веков стали доступны новые возможности проведения времени в публичном пространстве. С 1890-х гг. с организовывались различные виды общедоступных библиотек: публичные, земские, народные⁹⁴. При этом значительная часть находившихся в них литературы соотносилась с православной традицией. В XX в. стремительно стала расти популярность кинематографа. Он носил наиболее светский характер, однако фильмы религиозного содержания демонстрировались достаточно часто⁹⁵, цензура не допускала присутствия в прокате никаких элементов кощунственного характера⁹⁶. В задачи советской власти входило переформатирование общественного пространства, постепенное удаление из него религиозной составляющей; смещение центра с объекта религиозного содержания на светский.

В сфере топонимики сходные процессы происходили во всех населенных пунктах. Показателен пример Череповца. С 12.03.1919 улицы были переименованы следующим образом: Воскресенский проспект становился Советским, Покровская улица — улицей Зиновьева, Благовещенская — Социалистической, Соборная площадь — площадью Революции, к которой вел теперь Красный переулок, ранее носивший название Соборного⁹⁷.

Функция центра должна была перейти к какому-либо светскому зданию: дому культуры, клубу, библиотеке, избе-читальне. Так, корреспонден-

⁹¹ Валуев, И. (1924). В паутине. *Коммунист*, (124), 2.

⁹² Лебина Н. Б. (2015), 181.

⁹³ Солодянкина, О. Ю. (2019). События как вехи городской истории и их коммеморация: пространственный аспект. *Historia Provinciae — Журнал региональной истории*, 3(4), 1187.

⁹⁴ Матвеев, М. Ю. (2015). Организация библиотечной сети в дореволюционной России, конец XIX — начало XX в. *Вестник СПбГУКИ*, 1 (22) (март), 94.

⁹⁵ Сучкова, О. А. (2022). Отношение православной церкви и кинематографа в Российской империи. *Вестник государственного Ленинградского университета им. А. С. Пушкина*, (1), 131, doi:10.35231/18186653_2022_1_124.

⁹⁶ Там же, 132.

⁹⁷ Солодянкина, О. Ю. (2019), 1187.

дент газеты "Коммунист", посетив клуб и избу-читальню, организованные ячейкой РКСМ в с. Богородское, сетовал на то, что гораздо лучше было бы, если бы все это разместилось не в школе, а в народном доме, который находился гораздо ближе к центру села, поскольку это позволило бы "увеличить охват" привлекаемых к полезной деятельности сельчан⁹⁸. Размещение клубов, изб-читален и т.д. в помещениях церквей и часовен, бывших привычным для многих, особенно на селе, центром жизненного уклада, решало одновременно две задачи: организацию центра "нового быта" и лишение верующих одной из привычных черт повседневного уклада. Одной из причин для закрытия храма или часовни часто могла считаться нужда в помещении для общественно-полезных надобностей. Здания церквей требовали передать под школы⁹⁹, агитпункты¹⁰⁰, красные уголки¹⁰¹, избы-читальни¹⁰² и клубы¹⁰³. Все эти ходатайства, как правило, удовлетворялись. Массовая кампания по закрытию церквей в 1930-е гг. привела к ситуации, когда почти во всех городах и во многих селах храмы утратили в общественном пространстве системообразующую функцию. Она перешла к объектам с исключительно светским содержанием.

При размещении светских учреждений в зданиях церквей, при их перепланировке не принималось в расчет алтарное пространство, в которое в храме могли входить только мужчины по благословению священника. Например, при закрытии Покровской церкви г. Череповца в алтаре разместили столовую¹⁰⁴, что оскверняло пространство храма, требовало его пересвящения в случае возврата здания к первоначальному функционированию. Большинство антирелигиозных мероприятий также проводилось в клубах. Все это делало для верующих посещение таких мест весьма затруднительным с точки зрения их совести. Это также усиливало разделение между православными и гражданами, без возражений принимавшими новую реальность.

Молебны и крестные ходы в церковные праздники, при условии, что они были выходными днями, были возможны до рубежа 1920–1930 гг. Для их проведения необходимо было получать разрешения местных властей, которые выдавали их все менее охотно. Использовались различные предлоги, например, якобы неблагополучная эпидемиологическая обстановка или, как в ответе Абаканского районного исполнительного комитета (РИКа) общине Чудской церкви, мнимая забота о верующих. Крестный ход не был разрешен поскольку, по мнению администрации, насмешки негодования и другие подобные действия рабочих могли бы оскорбить чувства совершающих публичную религиозную процессию¹⁰⁵. Исчезнове-

⁹⁸ *Коммунист* (1924). (246), 3.

⁹⁹ *Коммунист* (1925). (72), 3.

¹⁰⁰ Часовня — под агитпункт. (1925). *Коммунист*, (233), 4.

¹⁰¹ Проезжий (1926). Вместо часовни — красный уголок. *Коммунист*, (15), 2.

¹⁰² Об использовании часовни. (1926). *Коммунист*, (3), 3.

¹⁰³ План переоборудования Покровской церкви под клуб. ЧЦХД. Р-5. Оп.1. Д.31. Покровская религиозная община 1923–1936. Л. 107.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Хрусталёв, М. Ю. (2008). *Русская православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах: на материалах Новгородской епархии*. Череповец, с. 121.

ние всех православных праздников из официального календаря выходных дней усугубило эту ситуацию и привело к середине 1930-х гг. практически к полному исчезновению подобных публичных мероприятий.

Репертуар произведений, находящихся в библиотеках и избах-читальных, постепенно становился все более идеологизированным. При обнаружении книг, остававшихся еще с дореволюционных времен, в газетах появлялись требования избавиться от них немедленно. Так, в центральной библиотеке г. Череповец, которая была укомплектована на основании дореволюционных фондов, в 1924 г. было обнаружено "Слово верующего" 1911 г. издания. Газета "Коммунист" выступила с требованием привлечь к данному факту внимание Губполитпросвета¹⁰⁶. Она же 9.04.1924 написала о последнем поступлении литературы в городской книжный магазин "Ленгиз", отметив, что устранен замеченный недостаток в наличии антирелигиозной литературы, получена свежая партия книг соответствующего содержания. Она же сообщила о поступлении в продажу последних двух томов (XVII и XVII) полного собрания сочинений Максима Горького. Однако самым большим спросом пользовалась шахматная литература, которая была полностью раскуплена. Про то, насколько раскупили сочинения М. Горького и антирелигиозную литературу, газета не упоминала¹⁰⁷. Для детской литературы, находящейся в библиотеках в 1932 г. была издана инструкция, в соответствии с которой изъятию подлежала вся литература, вышедшая в свет до 1926 г. и по каким-либо причинам не переизданная в 1927–1932 гг.¹⁰⁸

Кинематограф набирал все большую популярность. В Ленинграде в 1929 г. регулярно смотрели кинокартины 96% юношей и 91% девушек¹⁰⁹. При этом репертуар подвергался строгим идеологическим фильтрам. Исчезли не только фильмы религиозного содержания, но и картины дореволюционного российского производства, а также практически все зарубежные картины¹¹⁰. Подавляющее большинство составляли новые советские фильмы, с которыми и знакомилась российская публика. Одной из первых таких работ, которая приобрела большую популярность, стала вышедшая в 1923 г. кинолента "Красные дьяволята"¹¹¹. Опрос 1935 г. показал, что "Чапаева" видели 89% обследованных, "Путевку в жизнь" — 75%, "Юность Максима" — 65%¹¹². К концу 1930-х гг. человек, никогда не посещавший кинотеатры, рисковал прослыть чужаком в среде городского населения¹¹³. В небольших городах и в сельской местности за неимением отдельных зданий кинокартины показывали в клубах или домах культуры.

Таким образом, в течение первых двух десятилетий после 1917 г. произошли радикальные изменения в организации городского пространства

¹⁰⁶ Малоизвестный. (1924). Негодные книги надо выкинуть. *Коммунист*, (85), 3.

¹⁰⁷ Среди книг. (1924). *Коммунист*, (80), 4.

¹⁰⁸ Лебина Н. Б. (2015), 282.

¹⁰⁹ Лебина Н. Б. (2015), 294.

¹¹⁰ Там же, 295.

¹¹¹ Там же, 293.

¹¹² Там же, 295.

¹¹³ Там же, 287.

и досуга. В топонимике городов исчезли названия, связанные с православной традицией; практически прекратились молебны и крестные ходы. Системообразующая функция в общественном пространстве перешла от храмов и соборов к светским объектам: клубам, домам культуры. Общедоступные возможности проведения досуга: чтение литературы, предоставляемой библиотеками и просмотр кинокартин находились под строгим идеологическим контролем и не только не соотносились с ценностями православных верующих, но часто имели антирелигиозную направленность.

Безальтернативное школьное образование

До февраля 1917 г. начальное и среднее образование любого типа предполагало изучение Закона Божия¹¹⁴. Закон о свободе совести, принятый Временным правительством 14.07.1917¹¹⁵, вызвал в обществе бурное обсуждение этого вопроса. Предлагалось в том числе сделать посещение этих уроков добровольным; позволить открывать школы, в которых будут преподаваться только светские образовательные дисциплины. Однако на законодательном уровне никаких решений принято не было¹¹⁶.

Советская власть с первых лет провозгласила приоритет общественного воспитания над частным. В общегосударственном масштабе предполагалось внедрение единых стандартов воспитания и образования¹¹⁷, которые были основаны исключительно на материалистическом атеистическом мировоззрении.

Школа была отделена от церкви в соответствии с декретом с одноименным названием. Особое внимание уделялось запрету на преподавание вероучения в любых школах лицам моложе 18 лет¹¹⁸. В специальном разъяснении, которое появилось в ответ на ходатайство верующих, было указано, что в стенах школы проведение подобных занятий невозможно даже на добровольной основе и по окончании основных занятий¹¹⁹. В Уголовный кодекс была внесена ст. 121, которая предусматривала наказание за подобные деяния принудительными работами на срок до одного года¹²⁰. Обучение Закону Божию вне образовательных учреждений сначала разрешалось при строгом соблюдении условия, что это не примет характер систематического школьного преподавания. Перед 1.09.1921 Адмтдел НКВД направил всем Губотделам Народного образования требование произвести тщательное обследование на предмет преподавания Закона Божия, характера, методов и форм такого¹²¹. Возможность обучения детей основам вероучения на дому допускалась, однако на определенном условии.

¹¹⁴ Соколов, А. В. (2024). *Православная Российская Церковь в эпоху великих потрясений (1917–1918)*. М., 269.

¹¹⁵ Там же, 283.

¹¹⁶ Там же, 285.

¹¹⁷ Смирнова, Т. М. (2015). *Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг.* М.; СПб. 86 с.

¹¹⁸ Декрет ВЦИК от 13.06.1921. Гидулянов, П. В. (1924), 202.

¹¹⁹ Заключение V отд. НКЮ от 14.09.1921 № 612. Там же, 204.

¹²⁰ Там же, 202.

¹²¹ Гидулянов, П. В. (1924), 203.

V отдел НКЮ специально разъяснил термины "на дому" и "дома" — это было возможно как дома у родителей, так и у преподавателя, однако не могло принимать форму групповых занятий. Группой считалось количество более 3-х человек, при этом не имело значения, из разных семей дети или из одной¹²². НКВД выпустил отдельную инструкцию о порядке занятий с детьми вне школы, где обязал всех желающих вести занятия с детьми зарегистрироваться в отделе народного образования (ОНО) и получать на это специальную визу¹²³. Ссылки на родительские права в желании обучать собственных детей основам вероучения были признаны несостоятельными, так как в соответствии со ст. 153 Кодекса законов об актах гражданского состояния родительские права осуществляются в интересах ребенка, а данная деятельность была признана им противоречащей¹²⁴. Лицам старше 18 лет на законодательном уровне занятия были разрешены¹²⁵.

Вариативность в сфере начального и среднего образования, в том числе, его домашняя форма, бывшая нормой до 1917 г., постепенно исключалась из практики. Законодательно было запрещено репетиторство учителей ученикам этой же школы. Однако по результатам обследования, которое Главсоцвос провел на местах в 1923 г., частные услуги в сфере образования были широко распространены практически во всех регионах РСФСР. Индивидуальные и групповые занятия с детьми проводили не только профессиональные педагоги, но и любые более-менее грамотные граждане, прежде всего священнослужители; в ряде областей, в том числе, в Петроградской, существовали частные школы¹²⁶. Попытки местных властей пресекать все данные виды деятельности наталкивались на сопротивление населения и приводили к тому, что им приходилось идти на уступки¹²⁷. Однако введение в 1930 г. всеобщего обязательного начального обучения окончательно закрепило в качестве нормы только его государственный вариант, основанный на марксистском мировоззрении¹²⁸.

Участие школы в формировании религиозного мировоззрения у детей верующих родителей воспринималось до революции как норма. Не исчезло это понимание сразу после выхода "Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви". Обычной практикой, особенно на селе, было вхождение в школьный совет членов церковного совета, что приветствовалось верующими родителями и позволяло препятствовать проникновению в школу антирелигиозной пропаганды. Законодательно это нигде напрямую не регулировалось, но в прессе часто появлялись заметки, призывающие к скорейшему искоренению подобного явления. Например, газета "Коммунист" опубликовала письмо от имени четырех

¹²² Разъяснение НКЮ № 2336 от 1.09.1924. *Там же*, 205.

¹²³ Инструкция НКВД от 23.12.1923 № 461 О порядке занятий с детьми вне школы. *Там же*, 204.

¹²⁴ Разъяснение НКЮ от 8.05.1922 № 227. *Там же*, 206.

¹²⁵ Разъяснение НКЮ 26.04.1919 № 537. *Там же*.

¹²⁶ Смирнова, Т. М. (2015), 105.

¹²⁷ *Там же*.

¹²⁸ Пункт 11 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР 10 августа 1930 г. "О введении всеобщего обязательного начального обучения". *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1930 г. № 27-49. Отдел первый* (б.г.). М., 611.

учеников сельской школы с требованием не допускать в школу церковного старосту, члена школьного совета¹²⁹. В другой заметке высказывалось предположение, что из-за того, что в с. Богослове школьный совет целиком состоит из членов церковного совета, в школе до сих пор нет дров и в ней мерзнут¹³⁰. Еще в одном репортаже рассказывалось, как председатель школьного совета, он же председатель церковного совета Григорий Середняев, не разрешил показывать в школе спектакль (как правило, все спектакли были антирелигиозной направленности)¹³¹. Школы могли размещаться в бывших церквях, что делало проблему еще более острой. Так, в Плешаковской школе, в которой еще в 1923 г. была церковь, поставили спектакль, перед началом которого был прочитан доклад о ненужности церкви¹³². На уровне нормативного суждения устанавливался полный антагонизм между школой и церковью. С введением обязательного государственного начального образования становилось невозможно избежать школьного обучения. Кроме образовательной функции на школу была возложена задача идеологического воспитания. В них создавались детские филиалы коммунистических организаций — пионерские звенья или отряды, комсомольские ячейки; после 1929 г. — группы юных воинствующих безбожников¹³³, участие в которых всё чаще становилось неизбежным атрибутом процесса получения образования. Ношение нательных крестиков, посещение храмов, участие в таинствах и для учеников, и для учителей постепенно все больше стало маркироваться как отклонение от общепринятой нормы.

Таким образом, в течение первых двух десятилетий после 1917 г. в сфере образования произошел тотальный переход к безальтернативной государственной форме, основанной на принципах марксистского атеистического мировоззрения. Недопустимыми в стенах школы стали любые личные проявления православной религиозности.

Заключение

За первые два десятилетия после 1917 г. произошла инверсия — от восприятия православного уклада жизни в качестве социальной нормы до трактовки его как несовместимого с "новым бытом". Из официального календаря выходных дней исчезли православные праздники. Регистрация актов гражданского состояния полностью перешла в ведение государства, превратив постепенно их религиозное сопровождение сначала в дополнительное, а затем — в маргинальное. Организация общественного пространства подверглась секуляризации, сместив его центр с храма или собора на светское учреждение, удалив из него иконы и другие предметы религиозного культа. Одновременно происходила идеологизация досуга;

¹²⁹ *Коммунист* (1924). (35), 3.

¹³⁰ *Коммунист* (1924). (42), 3.

¹³¹ *Коммунист* (1924). (47), 3.

¹³² *Коммунист* (1924). (39), 3.

¹³³ Варакин, С. А. (2020). "Школу нужно превратить в Маяк воинствующего безбожия...": антирелигиозная работа Союза воинствующих безбожников в советской школе в начале 1930-х гг. (на материалах Нижегородского края). *Современная научная мысль*, (1), 55.

школьное образование стало носить исключительно антирелигиозную направленность. Быстрее это происходило в городах, особенно в крупных, медленнее — в деревне. Данные процессы проходили неравномерно, то усиливаясь, то затихая. Тем не менее приходится констатировать, что неуклонный курс советского государства на секуляризацию и атеизацию общественного и приватного пространства, особенно в крупных городах, привел к достижению поставленной цели.

Адмтдел НКВД — Административный отдел Народного комиссариата внутренних дел
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
Губотдел — Губернский отдел
Губполитпросвет — губернский политико-просветительский комитет
ЗАГС — запись актов гражданского состояния
Ленгиз — Ленинградское отделение Государственного издательства
Наркомат — народный комиссариат
НКП — Народный комиссариат просвещения
НКТ — Народный комиссариат труда
НКЮ — Народный комиссариат юстиции
Окрисполком — окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
СНК — Совет народных комиссаров
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦК — центральный комитет
ЧЦХД — Череповецкий центр хранения документации

Источники

- Гидулянов, П. В. (1923). Церковь и государство по Законодательству РСФСР: Сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ. Красиков П. А. (ред.). Юрид. изд-во Наркомюста, М., 100 с.
- Гидулянов П. В. (1924). Отделение церкви от государства: полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР. Красиков П. А. (ред.). Юрид. изд-во НКЮста РСФСР, М., 404 с.
- Гидулянов П. В. (1926). Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Туркм. Красиков П. А. (ред.). Юрид. изд-во, М., 712 с.
- Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. (1957). Политиздат, М., 640 с.
- Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля — 9 ноября 1918 г. (1964). Политиздат, М., 676 с.
- Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов (2017). Политическая энциклопедия, М., 558 с. ISBN: 978-5-8243-2150-0.
- Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 1: Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды (2017). Политическая энциклопедия, М., 646 с. ISBN: 978-5-8243-2185-2.
- Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 2: Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений (2017). Политическая энциклопедия, М., 670 с. ISBN: 978-5-8243-2187-6.
- Лосский, Б. Н. (1993). Наша семья в пору лихолетья. Минувшее: Исторический альманах. Т. 12. М.: СПб., 28-168.
- О праздниках гражданства. О красных крестинах (звездах). Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Фонд 1544. Опись 1. Дело 67. Листы 44-44 об.
- Письмо ЦК ВКП(б) "О мерах по усилению антирелигиозной работы" от 24 января 1929 г. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 3. Дело. 723. Листы 9-11.
- План переоборудования Покровской церкви под клуб. Череповецкий центр хранения документации. Фонд Р-5. Опись 1. Дело 31. Покровская религиозная община 1923–1936. Лист 107.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. 17 (1900). Государственная типография, СПб., 1562 с.

Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. Вып. 2 (25 октября 1918 г. — 15 марта 1919 г.) (1920). Ред.-изд. отд. ВСНХ, М., 820 с.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 40-76. Отдел первый. (б.г.). М., 742 с.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. (1942). М., 1483 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1928 г. № 57-114. Отдел первый. (б.г.). М., 830 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1930 г. № 27-49. Отдел первый. (б.г.). Гос. юрид. изд-во РСФСР, М., 777 с.

Периодические издания

Коммунист. Ежедневная газета: орган череповецкого окружкома ВКП(б), окрисполкома и Совета профсоюзов. 1924–1926 гг.

Кооперативный листок: еженедельное бесплатное приложение к газете "Коммунист". Череповец. 1925 г.

Череповецкий пахарь. Еженедельная газета Череповецких Губкома РКП, Губисполкома и Губпрофсовета. 1925–1926 гг.

Journal Officiel De La République Française. 1905. 11 Décembre.

Sources

Gidulyanov, P. V. (1923). Church and state according to the Legislation of the RSFSR: A collection of legalizations and orders with explanations of the Fifth Department of the NKJ. Krasikov P. A. (ed.). Legal publishing House of the People's Commissariat of Justice, Moscow, 100 p.

Gidulyanov P. V. (1924). Separation of Church and State: a complete collection of decrees of the RSFSR and the USSR, instructions, circulars, etc. with explanations from the Fifth Department of the NKJUST of the RSFSR. Krasikov P. A. (ed.). Legal publishing house of the NKJust of the RSFSR, Moscow, 404 p.

Gidulyanov P. V. (1926). Separation of Church and State in the USSR: A complete collection of decrees, departmental orders and rulings of the Supreme Court of the RSFSR and other Socialist republics: Ukrainian SSR, BSSR, ZSFSR, Uzbek. and Turkmenistan. Krasikov P. A. (ed.). Legal publishing house, Moscow, 712 p.

Decrees of the Soviet government. T. I. October 25, 1917 — March 16, 1918 (1957). Politizdat, M., 640 p.

Decrees of the Soviet government. Vol. 3. July 11 — November 9, 1918 (1964). Politizdat, M., 676 p.

Confessional policy of the Provisional Government of Russia: collection of documents (2017). Political Encyclopedia, Moscow, 558 p. ISBN: 978-5-8243-2150-0.

The confessional policy of the Soviet state. 1917–1991: Documents and materials 6 vol. Vol. 1: in 4 books: 1917-1924. Book 1: Central governing bodies of the RCP(b): ideology of religious policy and practice of anti-religious propaganda (2017). Political Encyclopedia, Moscow, 646 p. ISBN: 978-5-8243-2185-2.

The confessional policy of the Soviet state. 1917–1991: Documents and materials: in 6 volumes Vol. 1: in 4 books: 1917–1924 Vol. 2: Central bodies of state power and administration in the RSFSR: creation of a regulatory framework for the activities of religious associations (2017). Political Encyclopedia, Moscow, 670 p. ISBN: 978-5-8243-2187-6.

Lossky, B. N. (1993). Our family is in a time of hard times. The past: Historical Almanac. Vol. 12. Moscow; St. Petersburg, 28-168.

About citizenship holidays. About the red christenings (stars). The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. Foundation 1544. Inventory 1. Case 67. Sheets 44-44 vol.

Letter of the Central Committee of the CPSU(b) "On measures to strengthen anti-religious work" dated January 24, 1929. The Russian State Archive of Socio-Political History. Foundation 17. Inventory 3. Case. 723. Sheets 9-11.

The plan to convert the Church of the Intercession into a club. Cherepovets Documentation Storage center. The R-5 Foundation. Inventory 1. Case 31. The Pokrovskaya religious community 1923–1936. Sheet 107.

The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: Collection 3-E. T.17 (1900). The State Printing House, St. Petersburg, 1562 p.

Collection of decrees and resolutions on national economy. Issue 2 (October 25, 1918 — March 15, 1919) (1920). Ed.-ed. ed. VSNKh, Moscow, 820 p.

Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1929, No. 40-76. Department one. (B. G.). Moscow, 742 p.

Collection of laws and orders of the workers' and Peasants' government for 1917–1918 (1942). Moscow, 1483 p.

Collection of Laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR for 1928, No. 57-114. Department one. (B. G.), Moscow, 830 p.

Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR for 1930, No. 27-49. Department one. (B. G.). State law. publishing house of the RSFSR, Moscow, 777 p.

Periodicals

The Communist. Daily newspaper: organ of the Cherepovets district committee of the CPSU(b), the district Executive Committee and the Council of Trade Unions. 1924–1926.

The cooperative leaflet: a weekly free supplement to the newspaper "Kommunist". Cherepovets, 1925

The Cherepovets plowman. The weekly newspaper of the Cherepovets Gubernatorial Committee of the Russian Communist Party, the Gubernatorial Executive Committee and the Gubernatorial Council. 1925–1926

Литература

1. Варакин, С. А. (2020). "Школу нужно превратить в Маяк воинствующего безбожия...": антирелигиозная работа Союза воинствующих безбожников в советской школе в начале 1930-х гг. (на материалах Нижегородского края). *Современная научная мысль*, (1), 54-60.
2. Кириченко, М. Г. (1987). К истории Ленинского декрета. *Наука и религия*, (4), 2.
3. Матвеев, М. Ю. (2015). Организация библиотечной сети в дореволюционной России, конец XIX — начало XX в. *Вестник СПбГУКИ*, 1 (22) (март), 94-97.
4. Rogoznyj, P. G. (2021). Гражданский брак, развод и революция: конец семейного насилия или разложение семьи? *Петербургский исторический журнал*, (3), 132-147. doi:10.24411/2311-603X_2021_3_132.
5. Солодянкина, О. Ю. (2019). События как вехи городской истории и их коммеморация: пространственный аспект. *Historia Provinciae — Журнал региональной истории*, 3(4), 1174-1209. doi:10.23859/2587-8344-2019-3-4-3.
6. Сучкова, О. А. (2022). Отношение православной церкви и кинематографа в Российской империи. *Вестник государственного Ленинградского университета им. А. С. Пушкина*, (1), 124-137. doi:10.35231/18186653_2022_1_124.
7. Табачник, К. К. (2024). Система гражданских обрядов в антирелигиозной политике советской власти 1920-х годов на Северо-Западе РСФСР. *Вестник Свято-Филаретовского института*, 16 (4), 94-113. doi:10.25803/26587599_2024_4_52_94.
8. Узланер, Д. А. (2010). Советская модель секуляризации. *Социологические исследования*, (6), 62-69.
9. Данилевский, М. Ф. (1927). Праздники общественного быта. Торжественное заседание, октябрины, годовщины. *Организация, методика, практика. Долой неграмотность*, М.; Л. 63 с.
10. Кабо, Е. О. (1928). *Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта*. Т. 1. Книгоизд-во ВЦСПС, М., 290 с.
11. *К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества)* (1970). Сборник статей. Мчедлов М. П. (ред.-сост.). Мысль, М., 278 с.
12. Лебина, Н. Б. (2015). Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. Новое литературное обозрение, М., 488 с. ISBN: 978-5-4448-0253-3.
13. Савинова, И. Д. (1998). *Лихолетье: Новгородская епархия и советская власть 1917–1991: Историческое исследование*. Новгород, 112 с.
14. Смирнова, Т. М. (2015). *Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг.* Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, М.; СПб., 384 с. ISBN: 978-5-8055-0286-7.
15. Соколов, А. В. (2024). *Православная Российская Церковь в эпоху великих потрясений (1917–1918)*. Общество любителей церковной истории, М., 920 с. ISBN: 978-5-6041171-4-9.
16. Хрусталёв, М. Ю. (2008). *Русская православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах: на материалах Новгородской епархии*. Филиал С.-Петербургского инженер.-эконом. ун-та, Череповец, 178 с. ISBN: 978-902459-03-3.

References

1. Varakin, S. A. (2020). "The school must be transformed into a beacon of militant atheism...". the anti-religious work of the Union of Militant Atheists in Soviet schools in the early 1930s (based on materials from the Nizhny Novgorod region). *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, (1), 54-60. (In Russ.)
2. Kirichenko, M. G. (1987). On the history of Lenin's decree. *Nauka i religiya*, (4), 2. (In Russ.)
3. Matveyev, M. Yu. (2015). Organization of the library network in pre-revolutionary Russia, late 19th — early 20th centuries. *Vestnik SPbGUKI*, 1 (22) (March), 94-97. (In Russ.)
4. Rogoznyj, P. G. (2021). Civil marriage, divorce and revolution: the end of domestic violence or the disintegration of the family? *Saint-Petersburg Historical Journal*, (3), 132-147. (In Russ.) doi:10.24411/2311-603X_2021_3_132.
5. Solodyankina, O. Yu. (2019). Events as milestones in urban history and their commemoration: spatial aspect. *Historia Provinciae — Zhurnal regional'noy istorii*, 3, (4), 1174-1209. (In Russ.) doi:10.23859/2587-8344-2019-3-4-3.
6. Suchkova, O. A. (2022). Relations between the Orthodox Church and cinema in the Russian Empire. *Vestnik gosudarstvennogo Leningradskogo universiteta im. A. S. Pushkina*, (1), 124-137. (In Russ.) doi:10.35231/18186653_2022_1_124.

7. Tabachnik, K. K. (2024). The System of Civil Rites in the Anti-Religious Policy of the Soviet Government of the 1920s in the North-West of the RSFSR. *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 16, 4 (52), 94-113. (In Russ.) doi:10.25803/26587599_2024_4_52_94.
8. Uzmaner, D. A. (2010). Soviet model of secularization. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, (6), 62-69. (In Russ.)
9. Danilevsky, M. F. (1927). Public holidays. *Ceremonial meeting, oktyabriny, anniversaries. Organization, methodology, practice. Doloy negramotnost'*, Moscow; Leningrad, 63 p. (In Russ.)
10. Kabo, Ye. O. (1928). *Essays on working life: An attempt at a monographic study of domestic working life*. Vol. 1. Knigoizd-vo VZSPS, Moscow, 290 c. (In Russ.)
11. *Towards a Religion-Free Society (The Process of Secularization in a Socialist Society)* (1970). *A Collection of Articles*. Mchedlov M. P. (ed.-comp.). Mysl', Moscow, 278 c. (In Russ.)
12. Lebina, N. B. (2015). *Everyday life in the Soviet Union: norms and anomalies. From war communism to grand style*. Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 488 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4448-0253-3.
13. Savinova, I. D. (1998). *Hard Times: Novgorod Diocese and Soviet Power 1917–1991: Historical Research*. Novgorod, 112 p. (In Russ.)
14. Smirnova, T. M. (2015). *Children of the Soviet Union: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1940*. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives, Moscow; Saint Petersburg, 384 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8055-0286-7.
15. Sokolov, A. V. (2024). *The Orthodox Russian Church in the era of great upheavals (1917–1918)*. Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, Moscow, 920 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-6041171-4-9.
16. Khrustalev, M. Yu. (2008). *The Russian Orthodox Church in the Center and on the Periphery in the 1918–1930s: Based on Materials from the Novgorod Diocese*. Filial Spb. inzhener.-ekonom. un-ta, Cherepovets, 178 c. (In Russ.) ISBN: 978-902459-03-3.